

© 2023

Сергей Капканщиков

доктор экономических наук, профессор,

зав. кафедрой экономической теории

Ульяновского государственного университета (г. Ульяновск, Россия)

(e-mail: kapkansv@mail.ru)

ИЗБЫТОЧНОЕ ПОДОХОДНОЕ РАССЛОЕНИЕ РОССИЯН КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РОСТУ И СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье аргументируется тезис о социально ущербном росте российской экономики в XXI веке в связи с тем, что он сопровождается усилением дифференциации населения по уровню текущих доходов и накопленного богатства. Проводится качественный анализ сложившегося в современной России социально-экономического неравенства в единстве с его количественной характеристикой. Раскрываются объективные и субъективные факторы подоходного расслоения экономических субъектов и особенности такого расслоения в различных странах. Неравенство в распределении доходов, с одной стороны, расценивается в качестве вероятного ускорителя экономического роста, с другой — раскрывается механизм его тормозящего воздействия на динамику ВВП. Характеризуя нормальное и избыточное подоходное расслоение как ускоряющее и, напротив, тормозящее экономический рост, автор, по аналогии с кривой Лаффера, предлагает оригинальную кривую подоходного расслоения, на основе которой обосновывается комплекс взаимосвязанных предложений по возвращению избыточной дифференциации россиян в пределы нормальности, чтобы гарантировать устойчивое хозяйственное развитие и надежную социальную безопасность в России.

Ключевые слова: социально ущербный экономический рост, нормальное и избыточное расслоение, коэффициент дифференциации доходов, индекс Джини, длинноволновой цикл, кривая подоходного расслоения, нормальная и запретная зоны кривой подоходного расслоения.

DOI: 10.31857/S020736760023988-5

В течение всего постдефолтного периода, вплоть до сегодняшнего дня, качество роста российского ВВП, в рамках которого хозяйственное оживление перемежается с периодически наступающими спадами, трудно назвать сколько-нибудь высоким. Не случайно в литературе он получил критическое обозначение «роста без развития». Подобная нелицеприятная характеристика обусловлена, в частности, доминированием в нем экстенсивных, преимущественно сырьевых, природоемких и ресурсорасточительных факторов. К тому же поистине качественный рост по определению является сбалансированным, не допускающим чрезмерной дифференциации населения по уровню текущих доходов и накопленного богатства, а значит, предполагающим запуск все новых и новых социальных программ по мере укрепления экономической мощи страны. Иначе говоря, в ходе такого «роста с развитием» позитивные результаты восходящей динамики национального продукта последовательно распространяются не на какие-то конкретные социальные группы, предприятия, отрасли, регионы, а в той или иной степени на них всех, кардинальным образом

не ущемляя интересы подавляющего большинства субъектов экономической системы. «Именно экономическое развитие, включающее не только производственное, но и социальное измерение (можно добавить «сбалансированное»), должно быть целью экономической политики любого государства» [7. С. 27]. Развитие, резонно замечают А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, — это «далеко не только рост ВВП или (что несколько лучше) индекса человеческого развития и иных синтетических показателей, а прежде всего качественная характеристика, отражающая меру прогрессивности той или иной общественной системы» [4. С. 12].

В этом плане восстановительный рост национальной экономики, обозначившийся при выходе России из глубин трансформационного спада, имел отчетливо социально-ущербный характер, поскольку он протекал на фоне как минимум не снижающегося (а при достоверном подсчете даже нарастающего) подоходного и поимущественного неравенства, когда подавляющую часть позитивного эффекта от него перетягивали на себя наиболее состоятельные хозяйственные субъекты. Как отмечал еще два десятилетия тому назад Г.И. Ханнин, при том, что доля Москвы в численности населения России составляла всего 6%, москвичи присваивали около 25% всех доходов [23. С. 102], что явно не соответствовало их реальному вкладу в развитие отечественной экономики и выступало ярким проявлением институциональных несовершенств сложившегося в ней механизма распределения доходов. С момента подобной оценки прошло немало лет, и сегодня в московской агломерации проживает уже 8,5% населения нашей страны, а банковские вклады ее жителей составляют 35% общероссийских. Беспристрастная статистика фиксирует факт (усиленно скрываемый пролиберальной властью) усвоения выгод от наращивания ВВП почти исключительно далеко не бедными лицами, составляющими около 20% от численности трудоспособного населения России, которые за годы рыночной трансформации добились серьезного увеличения своих реальных доходов в среднем на 25%. В то же время нынешние доходы наименее обеспеченных 20% россиян сократились с 1990 г. на 18%. Поэтому статистическая информация, показывающая, что средний уровень заработной платы в июне 2022 г. достиг вполне приемлемой отметки в 66,5 руб. в месяц, свидетельствует, скорее всего, лишь о нарастающем подоходном неравенстве. Известно, что за 1999–2019 гг. частное состояние всех россиян в долларовом выражении возросло в 16 раз — до 1,6 трлн долл. Однако для подавляющего их большинства рост номинального размера доходов зачастую всего лишь не отставал от темпов удорожания продовольственных товаров и жилищно-коммунальных услуг, включаемых в минимальную потребительскую корзину.

Так что наряду с кризисами последних десятилетий и восьмилетним неуклонным падением уровня жизни россиян, значимой угрозой экономическому росту и социальной безопасности выступает чрезмерное неравенство располагаемых ими доходов и накопленного имущества. Понятно, что чем

большая доля реальных и финансовых активов концентрируется в руках малочисленной элиты, тем меньшая их доля достается тем нашим согражданам, которые находятся на противоположном полюсе крайне деформированного социального организма. Трудно спорить с Б.Г. Ивановским, полагающим, что бедность в Евросоюзе, риск наступления которой существует у четверти населения (а именно у 123 млн европейцев), связана не с кризисом, а именно с подоходным и имущественным расслоением населения, довольно невысоким, кстати говоря, сравнительно с современной Россией [17. С. 69–70]. Не случайно громадная поляризация личных доходов названа Р.С. Гринбергом наиболее значимой проблемой российской экономики — наряду с примитивизацией ее структуры [9. С. 8]. Ее обострение предопределяет также отчетливо неравный доступ представителей различных социальных групп к качественным услугам образования, здравоохранения и культуры, эффективным, хорошо оплачиваемым рабочим местам, а также — существенные отличия их жилищных условий.

Безусловно, трансформация планово-регулируемой советской экономики, с имманентной ей тенденцией к уравнительному распределению доходов, в экономику рыночную, для которой типичным выступает распределение доходов по факторам производства, не могла не сопровождаться усилением подоходной дифференциации. Однако скорость нарастания подобной поляризации в кризисные 1990-е гг. поистине впечатляла. При этом специфика отечественной разновидности социального перекоса между бедностью и богатством состояла в том, что одни россияне оказались бедняками («нищобродами» в уничижительной трактовке своих финансово успешных сограждан) совершенно незаслуженно, коль скоро после запуска рыночных реформ в большинстве своем они продолжали трудиться по прежним специальностям с привычным уровнем интенсивности, а подавляющее большинство других превратились в богачей крайне необъяснимо, в объективно несочетаемой с наращиванием сколько-нибудь крупных активов обстановке переходного кризиса, неуклонно сокращавшего национальный доход Российской Федерации. Активно перенимая весьма противоречивый опыт США, где неравенство в очередной раз стало отчетливо нарастать после прихода в 1980-е гг. к власти Р. Рейгана, резко сократившего степень прогрессивности шкалы подоходного налогообложения, российские пролиберальные власти развернули процесс решительной замены прежней советской традиции радикального сближения доходов подавляющего большинства населения (в сочетании, впрочем, с серьезными источниками личного обогащения для партийно-хозяйственной номенклатуры) на ее прямой антипод.

Важнейшим фактором стремительного изменения масштабов подоходного расслоения россиян явилось настойчивое стремление радикальных реформаторов реализовать не градуалистский, а «шоковый» вариант перехода к рыночной

экономике. Резкое усиление распределительной несправедливости в ходе драматического размена фиаско государства на фиаско рынка стало прямым следствием тотальной либерализации цен и последовавшей за ней гиперинфляции, обесценившей сбережения домохозяйств; хаотично проведенной антинародной приватизации, в значительной степени лишившей их прежней общенародной собственности и доступа к рентным источникам доходов; разрушительной конверсии военно-промышленного комплекса, спровоцировавшей примитивизацию национальной экономики и скачок безработицы; жесткой политики ограничения доходов, четко нацеленной на торможение инфляции; снятия прежних барьеров на пути к запредельной дифференциации трудовых заработков и целого ряда других направлений рыночной трансформации по-российски. В результате столь кардинальных перемен доля трудовых доходов, призванных обеспечивать существование подавляющего большинства населения, в структуре национального дохода России существенно сократилась при адекватном увеличении удельного веса прибыли, ренты и процента. Становление же сильного социального государства, призванного устранять наиболее очевидные язвы несправедливого распределения, переносилось в неопределенное будущее как в связи с затянувшейся стагнацией национального хозяйства, так и по причине целенаправленного формирования олигархически-бюрократической модели, в которой общественное благосостояние заведомо не рассматривается в качестве приоритетной макроэкономической цели.

Социальная поляризация граждан продолжала усиливаться в XXI в. вследствие установления пропорциональной шкалы налогообложения доходов в комбинации с регрессивным механизмом уплаты страховых взносов работодателей. Относительному социально-экономическому равенству в немалой степени препятствовали также высокие по европейским меркам темпы инфляции, которая в качестве налога на бедных еще более отдаляла их от более удачливых в хозяйственном плане соотечественников; структура государственных расходов в России, которая и по сей день явно не соответствует критериям социального государства (средства на социальные нужды, выделяемые из казны, слишком часто достаются в конечном счете далеко не самым обездоленным гражданам); доминирование социально вредных косвенных налогов над налогами прямыми; нефтяной бум во всемирном хозяйстве, доходы от которого растекаются по нашей стране чрезвычайно неравномерно. В последнее десятилетие мощным фактором усиления расслоения является резкое замедление среднегодового экономического роста в рамках автономной рецессии, когда имущество, накопленное в прошлом, приобретает непропорциональное значение, неуклонно усиливая долю богатей в ВВП.

Как результат, децильный коэффициент дифференциации доходов, зафиксировав пиковое значение в 16,7 раза в 2007 г., составил в 2019 г. 15,6 раза (при

пороговом значении социальной безопасности 8–10). А в Москве, где протекала наиболее масштабная трансформация отношений собственности и проживает большинство отечественных миллиардеров, коэффициент фондов еще выше. По разным оценкам, он колеблется в диапазоне от 40 до 50 раз, и ситуация здесь крайне напоминает салон самолета, в котором, как известно, нет среднего класса, а существуют лишь бизнес-класс и эконом-класс. Как отмечают В.А. Ильин и М.В. Морев, социальное расслоение в Российской Федерации, связанное с дифференциацией текущих денежных доходов, уже в 2015 г. достигло взрывоопасного уровня царской России времен революции 1905 г. [8. С. 50]. Конечно, усиливающиеся различия в благосостоянии различных групп населения являются в последние десятилетия неким глобальным трендом, не сугубо российской, а общемировой проблемой, которая обстоятельно исследована, например, в таких фундаментальных трудах, как «Цена неравенства» лауреата Нобелевской премии 2001 г. Дж. Стиглица и «Капитал в XXI веке» Т. Пикетти. Однако российская дифференциация выглядит особо тревожной даже на фоне целого ряда развивающихся стран, не говоря уже о странах развитых, где коэффициент расслоения варьируется от 11,7 в Италии, 10,5 в Великобритании, 7,4 во Франции, 6,4 в Германии, 6,1 в Норвегии, 5,8 во Франции и 4,9 в Японии [16. С. 33]. И тем не менее что весьма показательно, 8 из 10 европейцев в число основных вызовов для Евросоюза наряду с безработицей и миграцией включают социальное неравенство [17. С. 69].

Сочетание вопиющей бедности одних с вызывающим богатством других россиян выразилось также в том, что индекс Джини, характеризующий индекс концентрации доходов населения, резко возрос с 0,24 в 1990 г. до 0,409 уже в 1994 г. и сохранялся на отметке 0,413 в 2019 г. при том, что в ЕС этот коэффициент находится в диапазоне 0,25–0,30 [19. С. 21], а оптимальный его уровень — 0,25–0,26 [21. С. 68]. Конечно, нашей стране, заметно превысившей европейские рекорды подоходной дифференциации населения, еще далеко до ее мирового рекорда, который в 2003 г. был отмечен в Намибии, где коэффициент Джини оказался равным 0,707. В мировом рейтинге справедливости в распределении доходов Россия, опережая страны третьего мира, в то же время сильно проигрывает европейским странам, особенно тем из них, где сформировалась модель социально ориентированной экономики. В настоящее время на одном полюсе расслоения населения находятся ЮАР (0,63), Намибия (0,59), Суринам (0,58), Замбия (0,57), а на другом — Словения, Чехия, Словакия и Беларусь (0,25). Едва ли можно оптимистично расценивать и факт сходства российского децильного коэффициента с американским, который столь же высок — примерно 15 раз. Известно, что уровень благосостояния граждан Российской Федерации более чем в 2,5 раза ниже, чем жителей США (в 2022 г. ВВП по ППС на душу населения составил в этих странах примерно 30013 и 76027 долл. соответственно), а в этом случае российская проблема абсолютной бедности выглядит куда более рельефно.

Впрочем, не следует абсолютизировать официальные оценки поляризации россиян. В условиях «статистической какофонии, царящей в современных исследованиях, посвященных измерениям неравенства» [10. С. 50], они нуждаются в серьезном уточнении, причем сразу в двух противоположных направлениях — в сторону уменьшения и в сторону увеличения.

С одной стороны, при исчислении сложившегося подоходного расслоения населения необходимо учитывать тот факт, что само понятие «доход» является весьма разнородным. Во-первых, личный доход может серьезно отличаться от дохода располагаемого, ведь общеизвестно, что в мировой практике более обеспеченные слои населения платят налоги по повышенным ставкам (правда, к России с ее плоской шкалой личного подоходного налога это замечание почти не относится), а менее обеспеченные стабильно получают трансферты. Поэтому куда более точным является измерение неравенства не до, а после запуска национальной перераспределительной системы. Во-вторых, следует четко отделять текущий доход от дохода пожизненного, размеры которого, по мнению Нобелевского лауреата 1985 г. Ф. Модильяни, зачастую существенно меняются в зависимости от того, на какой фазе жизненного цикла располагаются те или иные доходополучатели. Если в зрелые годы они обычно максимизируют свой текущий доход, то в молодости и в старости те же люди могут далеко не впечатлять своими хозяйственными успехами, тем самым серьезно сглаживая временные статистические колебания доходов. Так, в Швеции различия между богатыми и бедными домохозяйствами по критерию пожизненного дохода оказываются на 35–40% меньше их отличий по текущему годовому доходу [11. С. 120]. В-третьих, есть основания для оценки масштабов неравенства, сложившегося в стране, не по доходам тех или иных социальных групп, а по расходам, т.е. по уровню их фактического потребления. И хотя очевидно, что покупательная активность миллионеров оказывается на несколько порядков выше потребительских расходов бедняков, однако подобное несоответствие выглядит уже не столь ужасающим. Если траты первых урезаются сбережением немалой части текущих доходов, то спрос со стороны вторых обычно расширяется посредством займов и отсутствием сбережений. В-четвертых, нельзя не учитывать тот факт, что Россия обладает гигантской территорией, а потому существенно более высокий уровень жизни в некоторых субъектах Федерации представляет собой некую компенсацию за проживание в неблагоприятных природно-климатических условиях Дальнего Востока и Крайнего Севера, без которой негативные миграционные потоки в центральные регионы страны оказались бы еще более мощными [11. С. 102]. Не случайно, учитывая многие из перечисленных выше обстоятельств, Р.И. Капелюшников подверг развернутой критике методологию расчетов Ф. Новокмета, Т. Пикетти и Г. Зюкмана, использованную ими в книге 2017 г. «От советов до олигархов» и позволившую представить Россию как страну с огромным неравенством в доходах и богатстве, одном из наиболее высоких в современном мире [10].

С другой стороны, действительный уровень подоходной дифференциации населения России существенно расходится с правительственными оценками в сторону повышения: во-первых, из-за того, что потребительская корзина наиболее обеспеченных семей растет в цене как минимум вдвое медленнее соответствующей корзины социально уязвимых домохозяйств, что связано с генеральным общемировым трендом последних лет — стремительным подорожанием продовольствия в рамках глобальной аграрной инфляции; во-вторых, в связи с тем, что российская система налогообложения, в основе которой лежат, как известно, не прямые, а косвенные налоговые изъятия, объективно ущемляет интересы бедняков, направляющих на потребление (а вовсе не на сбережения) несравненно большую часть личных располагаемых доходов; в-третьих, в оценках Росстата до сих пор далеко не полностью отражается доля теневых доходов, особенно получаемых представителями отечественного бизнес-сообщества; в-четвертых, если выйти за узкие рамки текущего сугубо подоходного расслоения граждан России и оценить их нарастающую поляризацию по величине накопленного имущества, то с легкостью можно обнаружить, что здесь расхождение становится намного выше тысячекратного. Действительно, параметры социально-экономического неравенства в текущих доходах и накопленных активах могут существенно различаться. «Сдвиги в распределении национального богатства, — подчеркивают В.Г. Клинов и А.А. Сидоров, — отличаются большей интенсивностью, чем сдвиги в доходах. Накопление богатства связано с нормой сбережения и превращением сбережений в инвестиции» [14. С. 35]. Например, если расслоение населения скандинавских государств по доходам явно не выглядит чрезмерным, то их имущественная дифференциация крайне высока, так как доля верхнего дециля по этому показателю превышает 60%, что объединяет эти страны с такими социально конфликтными государствами, как Мексика, Тайвань и Чили [4. С. 21]. «Существует группа стран, — отмечает П. Капелюшников, — отличающихся чрезвычайно низким неравенством в распределении доходов, но при этом сверхвысоким неравенством в распределении богатства: Дания и Швеция» [11. С. 120]. Впрочем, в таких наиболее несправедливых по распределению богатства странах, как США, Швейцария, Индия, Турция и ЮАР, доля имущества верхнего дециля и вовсе зашкаливает, превышая отметку в 70%.

В современной же России серьезное неравенство наблюдается и в подоходном, и в имущественном отношении. Получающие сверхвысокие доходы россияне, наращивая свои сбережения при крайне низком перераспределяющем эффекте пропорциональной шкалы подоходного налогообложения, обретают возможность еще дальше оторваться в богатстве от остальных своих сограждан за счет дополнительных инвестиционных доходов. В результате, по данным швейцарского банка Credit Suisse, 10% самых обеспеченных наших сограждан владеют 82% всего богатства (в то время как в Соединенных Штатах — лишь 76%). В этих условиях сам образ жизни наиболее состоятельных россиян начинает все более

напоминать американский, где дети элиты обучаются в лучших частных школах и в восьми старейших вузах (так называемой «лиге плюща», объединяющей Гарвардский, Принстонский, Йельский, Колумбийский и др. частные университеты); фиксируется неуклонный рост числа избирательных браков с наследованием крупнейших состояний, в том числе — в виде стремительно дорожающих в последние десятилетия объектов недвижимости и произведений искусства; на высокооплачиваемую работу в ведущие компании целенаправленно принимаются представители высшего среднего класса. Элитарное образование наследников крупных российских состояний, которые входят в соответствующие семейные кланы, обладающие стабильными рентными источниками неуклонного наращивания доходов, столь же надежно гарантирует их преимущества на рынке труда и в сфере частного бизнеса. Даже в периоды, когда отечественная экономика падает в объятия очередного кризиса, российская политико-экономическая элита продолжает стремительно обогащаться. В таких условиях трудно всерьез рассчитывать на своевременное и осознанное торможение взрывоопасной тенденции к поляризации. Блокировка социальных лифтов, превращающаяся, по сути, в демагогию слоган «Россия — страна возможностей», активное противодействие правящей касты процессу движения вверх своих потенциальных конкурентов обусловлены ее острым нежеланием делиться накопленным богатством и властными полномочиями. Между тем национальная экономика, в которой закрываются возможности карьерного роста и реализация интеллектуального потенциала рядовых граждан, обречена на неуклонную деградацию. Вновь отчетливо формирующееся в современной России сословное общество с перекрытыми социальными лифтами заведомо нестабильно. И Крымская война в середине XIX в., и гибель Российской империи в 1917 г. доказали убийственную нежизнеспособность системы, в которой до предела обострены имущественные конфликты. Поэтому в погоне за повышением усредненных показателей доходов россиян правительству нельзя упускать из виду нарастающие социальные проблемы беднейшей части населения.

Надо признать, что количественные очертания оптимального распределения доходов существенно различаются в зависимости от фазы длинноволнового кондратьевского цикла, на которой находится в данный период та или иная страна. Так, на восходящей, ресурсоемкой волне, когда, как отмечает В. Клипов, происходит эксплуатация преимущественно конструкторской ветви научно-технического прогресса, наблюдается высокая степень занятости трудовых ресурсов [15. С. 137]. В результате нарастающего спроса на высококвалифицированную рабочую силу и, соответственно, стремительного роста реальной заработной платы, происходит заметное ослабление неравномерности в распределении факторных доходов, и подоходное расслоение населения, особенно при пожизненном исчислении (с учетом пожизненных расходов), временно приближается к норме. Е.В. Балацкий фиксирует тот факт, что «в фазе активного экономического роста

себя лучше чувствуют страны с более равномерным распределением доходов за счет стимулирования потребительского спроса и поддержки за счет этого производства» [1. С. 69]. Бывает, что в этот благоприятный период, когда отчетливо проявляется прямая связь «экономический рост – сокращение неравенства», находящимся обычно во властных структурах правым партиям целесообразно даже несколько усиливать дифференциацию населения по уровню текущих доходов для дальнейшего стимулирования его трудовой и предпринимательской активности. Закономерно приходя к власти в обстановке ускоряющейся инфляции и решительно противодействуя ее дальнейшему нарастанию, политики, отстаивающие либеральные ценности свободной рыночной экономики, склонны наращивать социально-экономическое неравенство в интересах наиболее состоятельных граждан.

Известно, что подобное сокращение масштабов неравенства наблюдалось в мире в 1930–1970-х гг., причем в немалой степени из-за того, что социальные достижения планово-регулируемой экономики заставляли правительства развитых стран Запада сглаживать проявления такого фиаско рынка, как чрезмерное подоходное расслоение. Имела значение и рекордно разрушительная Вторая мировая война, подготовка и развертывание которой, как, впрочем, и последующее восстановление экономики, требовали повышения налогообложения населения, особенно тех его социальных групп, которые располагали немалыми доходами и имуществом. Сокращение дифференциации было обусловлено также бурным бескризисным развитием мировой экономики в первые послевоенные десятилетия, а также стремлением политических элит целого ряда развивающихся стран осуществлять модернизацию, направленную против нищеты значительной части их населения. Инфляционно опасный, достигаемый во многом за счет политики количественного смягчения и нарастания государственной задолженности, десятилетний рост всемирного хозяйства в период после глобальной рецессии 2008–2009 гг. тоже сопровождается некоторым сближением располагаемых доходов, доля беднейшего населения хотя и медленно, но сокращается (даже в наиболее дифференцированных по этому показателю государствах Африки и Латинской Америки). Однако социально-экономическое неравенство граждан все же никуда не делось. И по сей день всего 85 наиболее состоятельных людей обладают таким же богатством, как и половина населения Земли; 1% самых богатых землян владеют активами в 110 трлн долл., что в 65 раз больше богатства, принадлежащего беднейшей половине человечества [4. С. 20]. В таких условиях, как утверждает О.Н. Пряжникова, для того, чтобы 1 млрд беднейших жителей Земли смог присвоить 10% глобальных доходов, при нынешних темпах сокращения их разрыва потребовалось бы 800 лет [17. С. 99]. Впрочем, главной угрозой социальной стабильности в современном обществе, выступает вовсе не отрыв 1% (и тем более на 0,1%) богатейших жителей страны, на что делает акцент Т. Пикетти, отстаивающий фактически интересы привилегированного слоя

среднего класса, а неуклонно усиливающийся разрыв между последним, доля которого составляет около 20%, и остальным населением.

Если же имеет место переход к нисходящей волне экономической конъюнктуры, когда эксплуатируется технологическая ветвь научно-технического прогресса, и наблюдается интенсивный процесс высвобождения ресурсов (включая трудовые), то сокращение спроса на труд влечет за собой снижение уровня его оплаты. При этом в структуре национального дохода падает доля заработной платы и адекватно нарастает доля прибыли, что свидетельствует об усилении несправедливости в распределении. Именно это наблюдалось в мире на рубеже XIX–XX вв. (вплоть до конца 1920-х–начала 1930-х гг.), когда перекосы в распределении текущих доходов достигли в мире исторически наивысших показателей. В годы Великой депрессии безработица приняла поистине экстремальные значения, а «при прочих равных условиях мера социального неравенства тем значительнее, чем выше уровень безработицы и слабее меры социальной защиты безработных» [4. С. 29]. Но усиление разрыва между доходами от собственности и труда, нарастание накопления в ущерб потреблению обеспечивают продуцирование инвестиций и тесно связанных с ними технологических перемен, улучшающих со временем состояние общехозяйственной конъюнктуры.

Нечто подобное вновь происходило, начиная с последней четверти XX в., когда доля доходов в форме прибыли возросла в крупных развитых странах с 15–25% до 25–35% за счет адекватного сокращения удельного веса доходов в виде заработной платы примерно на те же 10 п.п. По данным Института экономической политики США, в течение 40-летнего периода 1979–2019 гг. заработки 90% населения этой страны оставались, по сути, неизменными, в то время как доходы 1% богачей удвоились. Заработная плата рабочих и служащих поднялась за этот период всего на 12%, а топ-менеджеров крупных корпораций – на 940%. Итогом таких перемен явилось изменение социальной структуры в направлении все более отчетливой поляризации общества и вымывания среднего класса, который все более решительно сбрасывается с прежнего исторического пьедестала. Причем в наиболее успешных развивающихся странах экономический рост приводит, напротив, к формированию широкого среднего слоя населения, что, в свою очередь, через наращивание потребительского спроса и развитие внутреннего рынка становится ускорителем дальнейшего увеличения ВВП.

Нарастание подоходного расслоения является не только прямым следствием крушения так называемой «мировой системы социализма», но и результатом отставания системы образования от скорости технологического прогресса, что побуждает фирмы к активному переманиванию специалистов и, как результат, к нарастанию разрыва в заработках работников различной квалификации. Вследствие разделения профессий на передовые и привлекательные в финансовом отношении и традиционные (представители первых наращивают свои доходы, в то

время как доходы представителей последних в лучшем случае остаются неизменными) увеличивается доля и наиболее обеспеченных, и наиболее бедных слоев с размыванием среднего класса. На каждом конкретном рынке труда и шире, в каждой стране появляются некие становящиеся богачами «суперзвезды», которыми, по характеристике Р. Капелюшникова, признаются «люди, обладающие редкими и уникальными способностями, ценность которых возрастает по мере увеличения размера рынков, где этим способностям находится применение» [11. С. 124]. Немаловажным фактором усиления распределительного неравенства является, по оценке специалистов Лондонской школы экономики, распространение интернета, выгоды от которого в виде наращивания объема доступной информации, оперативного совершения сделок в режиме онлайн и т. п., куда в большей степени достаются обеспеченным и, соответственно, образованным людям [17. С. 39].

Немалый вклад в дальнейший подрыв социальной стабильности в современном мире внес глобальный пандемический кризис, который привел к увеличению разрыва между нараставшими в этот драматический период доходами от собственности меньшинства и стагнирующими трудовыми доходами большинства жителей планеты. Этот и без того пугающий разрыв обусловлен усвоением выгод от сверхмягкой государственной монетарной и фискальной политики не социально уязвимыми, а обеспеченными категориями населения; не лицами наемного труда, а, прежде всего, разнообразными финансовыми спекулянтами. Рост вынужденных сбережений наиболее состоятельных слоев в обстановке эпидемии сделал их отрыв от остальной части общества еще более разительным. Будучи вложенными в неуклонно дорожавшие в этот период недвижимость и ценные бумаги, эти немалые средства наверняка принесут им в долгосрочной перспективе стабильный дополнительный доход, в то время как правительственные трансферты в направлении бедняков способны гарантировать последним только кратковременный доход, обесцениваемый нарастающей инфляцией.

Между тем наибольший хозяйственный прогресс в XXI в. обозначился в странах, чьи власти сумели найти наилучшее соотношение между темпами роста ВВП и справедливостью в распределении доходов. Это относится, например, к Норвегии или Японии, где заработок министра финансов или президента фирмы после уплаты налогов лишь в 3–5 раз превышает оплату труда школьного учителя, инженера, торгового работника или врача. Западноевропейские топ-менеджеры получают больше управляемых ими работников в 5–10 раз, но все же не в сотни, а порой и тысячи раз, как это принято в современной России. А вот пролиберальным властным структурам нашей страны достичь столь благоприятной для экономического роста пропорции явно не удалось (да и, надо признать, они не очень к этому стремились). В результате в стране отчетливо возобладал повышательный тренд в индикаторах несправедливости, а пропорция между 20% наименее и 20% наиболее состоятельными

россиянами обрела следующие очертания: 6,2% и 47,4%. Это, правда, не довело еще дифференциацию населения до уровня ЮАР (3% и 63%), Чили (3% и 61%), Мексики (4% и 58%), однако представило Россию весьма непривлекательно в соотношении, например, с такими государствами Вышеградской группы, как Словакия (12% к 31%), Чехия (10% к 37%), Венгрия (9% к 37%) [21. С. 68]. До момента вступления в силу в 2022 г. персональных западных санкций финансовые активы 500 богатейших россиян составляли 640 млрд долл., что значительно больше по нынешнему обменному курсу, чем суммарные депозиты всех физических лиц в банковской системе нашей страны.

Отсутствие законодательного регулирования максимально допустимого разрыва между заработками руководителей и подчиненных делает российский механизм распределения доходов более похожим на американский, где типичный представитель «золотого процента» в 2010 г. оказался, по оценке Дж. Стиглица, богаче среднего американца в 225 раз. И несмотря на то что ВВП в расчете на душу населения в 2010 г. оказался здесь на три четверти выше, чем в 1980 г., доходы большинства мужчин, работающих полное рабочее время, за прошедшие 30 лет либо не изменились, либо сократились [15. С. 136]. И это вполне закономерно, если принимать в расчет тот факт, что и в дальнейшем доходы половины населения Земли (т.е. свыше 3,6 млрд человек) оказывались равными доходам все меньшего числа главных богачей нашей планеты: в 2010 г. — 388 человек, в 2014 г. — 85 человек, а в 2016 г. — уже всего 62 человек, среди которых больше всего американцев. Таков результат сложившейся в этой внешне процветающей стране запредельной дифференциации населения по уровню доходов и накопленного богатства. 2016 год стал в мире поистине переломным в плане избыточного глобального расслоения: исследование британской благотворительной организации Oxfam, подготовленное к Всемирному экономическому форуму в Давосе, показало, что совокупное состояние 1% богачей впервые превысило состояние остальных 99% землян.

Еще полвека тому назад в экономической науке однозначно доминировало неоклассическое представление о чрезвычайно благоприятном влиянии подоходного и имущественного неравенства на динамику ВВП. Оно оправдывалось тем обстоятельством, что мощная перераспределительная система, формируемая правительством, включает в себе серьезную угрозу как для трудовой мотивации со стороны наемных работников, так и для предпринимательской активности представителей бизнеса. Надо признать, что этот пролиберальный тезис и сегодня не вышел из моды. «На малом временном интервале, — отмечают В.М. Гончаренко и А.Б. Шаповал, — перераспределение доходов от богатых к бедным оказывает отрицательный эффект на благосостояние, поскольку демотивирует успешных работников, получающих высокую заработную плату, эффективно трудиться» [6. С. 13]. При нарастании же дифференциации, появлении некоей социальной пирамиды, стимулы к труду и расширению бизнеса

у благополучной части общества также нарастают. К тому же осознание несоответствия между уже достигнутым и потенциально возможным индивидуальным статусом побуждает людей к всестороннему развитию их человеческого капитала. По результатам проведенного Ф.С. Картаевым и М.С. Самсоновой эконометрического моделирования ими сделан вывод об исключительно благотворном влиянии любого уровня подоходного расслоения россиян на темпы инфляции, поскольку «увеличение неравенства доходов населения в российских регионах сдерживает рост общего уровня цен, а сокращение неравенства выступает проинфляционным фактором» [13. С. 15]. Наконец, в научных постулатах до сих пор незримо представлен взгляд Нобелевского лауреата 1971 г. С. Кузнеця, раскрывшего в 1955 г. в статье “Экономический рост и неравенство доходов” противоречивую зависимость между уровнем ВВП на душу населения и неравенством, о неизбежности стихийного сближения доходов людей по мере трансфера производственных ресурсов из менее доходных звеньев национального хозяйства в более доходные. И действительно, если на первых этапах индустриализации, когда наблюдалось активное перераспределение рабочей силы и капитала из аграрного сектора в промышленный (в США этот процесс протекал в XIX в.), обозначалось резкое усиление неравенства, то в 1913–1948 гг. в этой стране обозначился обратный процесс, чему способствовала во многом случайная комбинация Великой депрессии и сменившей ее Второй мировой войны — факторов, приведших к заметному ослаблению подоходного расслоения американцев.

Впрочем, тезис С. Кузнеця, поддержанный затем Нобелевским лауреатом 1969 г. Я. Тинбергеном относительно неизбежности «растекания» эффекта от повышения ВВП от богатых и бедным в дальнейшем не получил сколько-нибудь убедительного эмпирического подтверждения. В результате возвращения подоходного расслоения граждан на рекордные отметки 1910–1920 гг. становились все более популярными представления государственников о преимущественно отрицательном воздействии неравенства на экономический рост. Кейнсианцы не только решительно отвергают тезис о неравенстве как предпосылке роста ВВП, но и признают его сугубо тормозящее воздействие на хозяйственную динамику. Интенсивно развивающаяся теория человеческого капитала доказывала, что неспособность значительной части бедного населения реализовать свой интеллектуальный потенциал неминуемо уводит страну с авансцены хозяйственного развития. Общепризнанные успехи скандинавской модели экономической системы убедительно продемонстрировали принципиальную возможность сочетания наименьшего для развитых стран разрыва в текущих доходах населения с интенсивным внедрением научно-технических достижений и быстрым расширением ВВП, удлинением продолжительности таких периодов в результате всестороннего развития личности. Резкое сокращение индекса Джини в Казахстане в период 2001–2013 гг. с 0,35 до 0,26 в немалой

степени объясняет опережающие сравнительно с российскими темпы экономического роста этой страны и, соответственно, повышения заработной платы. Нечто подобное наблюдается в последние годы и в Беларуси. И, напротив, нынешнее замедление экономического роста в КНР в немалой степени связывается именно с чрезмерной подоходной поляризацией китайского общества. Так что сильное неравенство в доходах, с позиции кейнсианцев, вовсе не является условием экономического роста.

Экспертами Международного валютного фонда был выявлен тот факт, что увеличение на 1 п.п. в структуре национального дохода доли населения с низкими и средними доходами в обстановке неполной занятости ресурсов влечет за собой ускорение экономического роста страны на 0,4 п.п. И, напротив, точно такое же повышение доли наиболее состоятельных слоев вызывает закономерное торможение динамики ВВП на 0,1 п.п. Известно, что резкий скачок в подоходном расслоении в США в 1920-е гг. явилось одним из важнейших факторов наступления глубочайшего в истории XX века кризиса 1929–1933 гг. Нынешняя общемировая ситуация в области подоходного неравенства очень напоминает ту, которая сложилась столетие тому назад. Не случайно директор-распорядитель МВФ Кристалина Георгиева полагает, что в случае, если разрыв между богатыми и бедными в мире будет и впредь нарастать, то новая Великая депрессия станет неизбежной. И, действительно, сильное неравенство в распределении доходов воспроизводит ситуацию, называемую парадоксом бережливости, когда неуверенность граждан в завтрашнем толкает их на рост предельной склонности к сбережению, что в обстановке невысокой конъюнктуры обрекает общество на кризисный спад потребительской активности, закрытие множества предприятий, массовую безработицу, падение доходов граждан, а значит, и сокращение сбережений в обозримом будущем. А. Шевяков выводил в связи с этим следующую закономерность: «Чем выше неравенство, тем большая доля совокупного дохода населения направляется на накопления» [25. С. 19]. Чрезмерная подоходная дифференциация через взрывной рост средней склонности к сбережению не может не препятствовать трансформации сбережений в инвестиции и, как результат, достижению наилучшей нормы накопления в стране.

По мере усиления неравенства, отмечает Р. Капелюшников, «медианный избиратель оказывается относительно беднее, что побуждает его требовать от государства введения более обширных перераспределительных программ, но они подрывают стимулы к инвестированию, а меньшие инвестиции оборачиваются замедлением экономического роста» [11. С. 129]. Если же власти никак не откликаются на требования населения, в то время как доля граждан с доходами ниже прожиточного минимума превышает 8%, а децильный коэффициент — 10 раз, то возрастает риск погружения страны в пучину обострения социальных конфликтов на экономической почве, политической нестабильности,

нарастания протестных настроений по поводу распределения доходов, расширения теневой экономики и организованной преступности. Не случайно минимум треть взрослых жителей США как страны с общепризнанным чрезмерным подоходным расслоением, по данным ФБР, имеют сегодня судимость, которая, в свою очередь, еще более усиливает расслоение, поскольку имеющим ее намного труднее найти работу. Мощным триггером регулярно нарастающих расовых волнений в этой стране также является вопиющее социально-экономическое неравенство. И если государство не будет активно вмешиваться в сложившийся механизм первичного распределения доходов и богатства, то неизбежными становятся процессы, подобные миграционным погромам в Европе, протестам «желтых жилетов», захвату Белого дома представителями оппозиции, ковидным бунтам.

Но властям нашей страны, стремящимся к поддержанию социально-политической стабильности, следует всегда иметь в виду, что в современной России оно имеет не менее отчетливые очертания. Запредельно высокий уровень несправедливости, разрушительно воздействуя на социальную сплоченность, существенно ограничивая жизненные перспективы людей и вводя их в состояние тяжелой депрессии (при котором ценность самой жизни стремительно утрачивается), провоцирует нарастание этнической преступности в многонациональном российском обществе. При этом, как отмечают П. Михайи и И. Селеньи в своей вышедшей в 2020 г. книге «Получатели ренты: прибыли, заработки и неравенства (верхние 20%)», нарастающая поляризация общества усиливает социально-политическую нестабильность в нем не всегда, а только при двух предпосылках: во-первых, когда нарастающее обогащение элиты сочетается с падением реальных доходов подавляющей части общества; во-вторых, когда источником усиливающегося неравенства выступает не прибыль, которая все же зависит от предпринимательских качеств бизнесменов, а разнообразные виды рентного дохода. И надо признать, что оба эти условия как раз выполняются в современной России в обстановке длительного неуклонного падения уровня жизни и продолжения реализации налогового маневра, в результате чего все большая часть рентного дохода отечественных недропользователей проходит мимо государственного бюджета. В столь взрывоопасной ситуации, на дальнейшее разворачивание которой делают ставку разжигатели санкционной войны против нашей страны, становится неизбежным радикальное перераспределение расходов федеральной казны от инвестиционных целей, госзакупок и трансфертов — в пользу затрат на финансирование армии, полиции, тюрем и иных сфер непроизводительного труда. Не секрет, что чрезмерное расслоение влечет за собой также увеличение государственных и частных затрат на обеспечение прав собственности, защиту имущества и личную безопасность его владельцев. В результате одной из наиболее интенсивно расширяющихся

профессий в России становятся охранники — люди, занятые не самым эффективным (хотя и далеко не безопасным) видом трудовой деятельности. Опасность массового ощущения социальной несправедливости состоит в том, что оно легко трансформируется в неустанный поиск виновного — как внутри страны (среди «инородцев», «олигархов»), так и за ее пределами (ненависть ко всему «западному»).

Статистика фиксирует тесную связь подоходного расслоения и с коэффициентами рождаемости, смертности, естественного прироста и убыли населения: очевидно, оно препятствует созданию соответствующих демографических предпосылок устойчивого роста реального ВВП. Усиление неравенства при прочих равных условиях сокращает продолжительность жизни в стране на 5–10 лет. Исследования Дж. Гэлбрейта, посвященные экономическим проблемам с 1715 г. до наших дней, показали, что в 81% войн победили те страны, доходы населения в которых были распределены более равномерно, чем в странах побежденных. В немалой степени именно в неожиданном для наступающих немцев упорном сопротивлении советских военнослужащих, сформировавшихся в обстановке справедливого в целом распределения доходов, кроется причина устойчивости советской обороны в тяжелый начальный период Великой Отечественной войны, в то время как серьезнейшее подоходное расслоение среди французов, наоборот, способствовало общей растерянности и пораженчеству, приведшим к быстрой капитуляции этой крупной страны в 1940 г. И, действительно, невысокая степень имущественной дифференциации серьезно укрепляет боевой дух солдат. В условиях обострения гибридной войны Запада против России данное обстоятельство нельзя не учитывать властям нашей страны. Если результаты проводимых ими реформ идут на пользу крайне немногочисленной части населения, то неизбежный всплеск общественного недовольства не только обесценивает результаты реформирования, но и неотвратимо расшатывает основу социально-политической стабильности в стране, активно формирует внутреннего врага («пятую колонну»), не говоря уже об этической стороне проблемы неравенства.

Как видим, при определенных условиях подоходное расслоение населения способно оказывать отчетливо негативное влияние на динамику национального продукта — особенно в случае превышения им определенного количественного рубежа. В этой связи трудно переоценить значимость предложенного в свое время А. Шевяковым в журнале «Общество и экономика» методологического подхода, состоящего в разделении дифференциации домохозяйств по уровню их текущих доходов на нормальное и избыточное. Нормальным он признавал такую часть общего неравенства, которое соответствует ситуации, когда все доходы граждан, оказавшиеся ниже прожиточного минимума, были подтянуты до него, причем при сохранении всех остальных доходов на прежнем уровне [24. С. 86]. В случае поддержания приемлемого состояния подоходного расслоения у боль-

шинства хозяйственных субъектов заметно укрепляются стимулы к экономической деятельности, что не может не сказаться крайне позитивно на динамике как национального продукта, так и уровня общественного благосостояния.

Если социально оправданная подоходная дифференциация людей еще не способна устранить принципиального равенства их потенциальных возможностей, то дифференциация избыточная делает реализацию жизненных возможностей различных доходных групп существенно отличной. Это резко усиливает социально-политическую конфликтность, доходящую порой до вооруженных столкновений между полюсами богатства и бедности. Понятно, что данное обстоятельство ни в коей мере не благоприятствует восходящей динамике ВВП, которая сдерживается не только отмеченным выше острым дефицитом потребительских расходов в обстановке массовой бедности и невысокой продолжительности жизни, но и ухудшением состояния социально-культурного комплекса, а также «распространением практики лоббирования, направленной на предотвращение перераспределения доходов; ростом коррупции в государственных органах власти» [18. С. 52]. «Чем выше неравенство, тем ниже совокупный потребительский спрос при одних и тех же доходах населения», — справедливо подчеркивал А. Шевяков [25. С. 17].

Получается, что в ходе формирования и реализации своей социально-экономической политики власти, заказывая соответствующие экономические исследования, не должны допускать ни излишнего выравнивания доходов граждан, ни их запредельной дифференциации, в противном случае экономический рост начинает затухать. Иначе говоря, зависимость динамики ВВП (Q) от степени подоходного расслоения населения (N) может быть, по нашему мнению, выражена следующей кривой параболической формы:

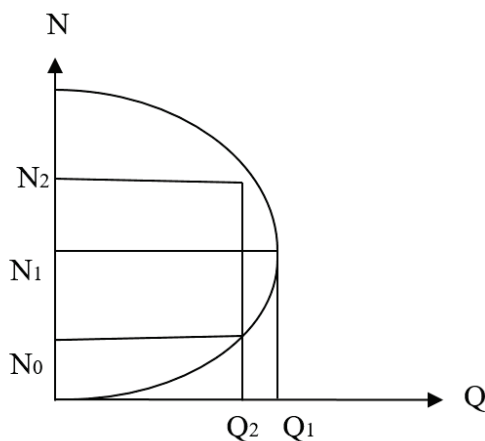

Рис. 1. Зависимость динамики ВВП (Q) от степени подоходного расслоения населения (N)

Источник: составлено автором.

Данную кривую вполне можно обозначить как обратную функцию C . Кузнеца, коль скоро она описывает не сформулированную этим ученым прямую (хотя и крайне противоречивую) зависимость экономического роста и индекса неравенства доходов, а обратную (тоже далеко не прямолинейную) связь рассматриваемых индикаторов. Понятно, что в обстановке предельно невысокого подоходного расслоения населения, фондовый коэффициент которого находится на отметке не выше N_0 , а соотношение доходов 10% наиболее состоятельных домохозяйств и 10% их наименее обеспеченных сограждан выражается пропорцией 3:1 и ниже, всякая экономическая активность в стране начинает закономерно замираться если, конечно, речь не идет о той или иной разновидности командно-административной системы, в рамках которой отлаженный механизм централизованного планирования в условиях острого дефицита экономической свободы доказывает свою способность нейтрализовать опасность демотивации деятельности хозяйственных субъектов, проистекающей от доминирования уравнилельных тенденций в сфере распределения. Но если неравномерность в распределении первичных и производных доходов начинает нарастать, что характеризуется повышением децильного коэффициента от N_0 до N_1 , то скорость нарастания реального ВВП (например, с прежних 2% до, скажем, 6–8% в год) также увеличивается, что помимо повышения среднего уровня жизни населения существенно пополняет государственную казну и усиливает ее вклад в преодоление несовершенств первичного распределения факторных доходов. Именно такой процесс протекал в мире в период становления индустриального общества, когда объективная потребность в нарастании несправедливости влечет за собой временное подавление таких столь ценных в людях свойств, какими являются сострадание, способность поделиться с ближним, заняться активной благотворительностью. Именно на этом, во многом аморальном, фоне происходило формирование класса алчных предпринимателей, склонных к масштабному инвестированию своих доходов и ускорению экономического развития страны.

Но неумолимо приближаясь к точке N_1 , отделяющей нормальную зону доходной дифференциации граждан от зоны запретной, та или иная страна начинает все более отчетливо ощущать отмеченные выше остро негативные последствия распределительной несправедливости (интенсификация парадокса бережливости, деградация человеческого капитала, подрыв социально-политической стабильности, угроза утраты территориальной целостности и т.п.), учет которых в регулирующей деятельности государства призван положить некий количественный предел дальнейшему отрыву богатых от бедных. В такой ситуации требуются жесткие правительственные меры по ограничению масштабов расслоения граждан. В противном случае темпы роста ВВП начнут неминуемо снижаться вплоть до обретения ими после точки N_2 даже отрица-

тельных характеристик. Как отмечают К.П. Юрченко и И.Н. Савельева, «неравенство в доходах, приемлемое и даже необходимое на начальной стадии экономического подъема, но только после длительного упадка, должно сокращаться, иначе оно становится фактором замедления экономического роста» [27. С. 30]. Подобное замедление, имеющее черты сходства с тем торможением хозяйственной динамики, которое случается из-за уравнилельных тенденций ниже точки N_0 , имеет, однако, принципиально другие объективные причины. Так что в любой стране всегда будет существовать некое пороговое значение подоходной дифференциации, за которым экономический рост становится невозможным — хотя бы из-за отсутствия в этом случае массового покупателя отечественных товаров и услуг.

Конечно, конкретные формы связи между подоходным расслоением, с одной стороны, и хозяйственной динамикой национальной экономики, с другой, не могут быть однотипными в различных странах. Например, количественные оценки степени дифференциации россиян и американцев по уровню текущих доходов в настоящее время довольно близки. Но если в нашей стране данное обстоятельство начинает вызывать все большее социальное недовольство, то в США они куда менее заметны. И дело здесь, скорее, не в большей терпимости населения, а в том, что само качество американского неравенства оказывается существенно лучше нашего. В этой связи Э.Н. Соболев разделяет качество неравенства на хорошее и плохое. Он полагает, что «неравенство, в основе которого лежит величина трудового вклада, эффективность труда — экономически обосновано, социально справедливо и создает стимулы для развития (хорошее неравенство), а что сверх того, то от лукавого, создает почву для социальной напряженности — плохое неравенство» [22. С. 34–35]. При таком подходе проблемой современной России являются вовсе не сами по себе запредельные количественные характеристики подоходного расслоения населения, а его низкое качество, когда доходы граждан оказываются в определяющей зависимости не от их трудолюбия, образования, квалификации, стажа работы и других внутренних факторов, а скорее, от совокупности факторов внешних — таких как регион проживания, сфера приложения их труда, финансовое состояние организаций, на которых они трудятся, удача, наконец. В этих условиях заработная плата как ведущий доход закономерно утрачивает свои функции воспроизводства рабочей силы и стимула к труду, побуждая работника не к неуклонному улучшению качества своего человеческого капитала, а к неустанному поиску тех локальных рынков труда, где можно рассчитывать на достойный заработок.

Воздействие подоходного расслоения на динамику ВВП не может быть одинаковым в разных государствах и потому, что в немалой степени оно обусловлено различиями в самом менталитете наций. Многое здесь зависит и от степени лояльности населения к социальному расслоению. Так, американское об-

щество длительное время характеризовалось довольно спокойным отношением граждан к сочетанию роскоши и нищеты. Однако, Дж. Стиглиц, интенсивно изучающий проблему несправедливости распределения доходов, утверждает, что обострение этой проблемы (обусловленное, в частности, сокращением государственного финансирования общедоступных школ и медицинских учреждений) привело к утрате США своего главного конкурентного преимущества как страны равных возможностей для всех, независимо от уровня благосостояния семей [15. С. 138]. Что же касается России, то по результатам исследования, проведенного Е. Балацким, был сделан вывод о том, что «российское общество крайне нетерпимо к любым проявлениям чужого благополучия вообще и роста доходов в частности» [2. С. 49]. А потому нынешнее неравенство в распределении доходов, расцениваемое специалистами как, несомненно, чрезмерное, выступает значимым ограничителем дальнейшего роста ВВП. С этих позиций трудно не поставить под сомнение обоснованность результатов эконометрического исследования М.А. Юревича, который допустил возможность сохранения положительных темпов экономического роста в России вплоть до достижения индексом Джини отметки в 69,8, как, впрочем, и его вывода об обеспечении наивысшей скорости нарастания ВВП при значении этого коэффициента в 46,7, поскольку обе эти отметки далеко выходят на верхнее пороговое значение социально-экономической безопасности [26, С.43].

Таким образом, при ответе на вопрос, является ли неравенство нормальным или избыточным (а это крайне важно для оценки степени политической напряженности в стране), следует руководствоваться не только «объективными» показателями, опирающимися на методологию кривой Лоренца, но и субъективными оценками его со стороны различных социальных групп. Наиболее значимой проблемой здесь является вовсе не сам по себе масштаб подоходного неравенства, а его восприятие населением в качестве нормального или избыточного. Характерно, что представления жителей скандинавских стран о сложившемся уровне неравенства в распределении доходов в целом тождественны взглядам граждан англосаксонских стран (неравенство признают здесь высоким лишь 30% населения), а между тем коэффициент Джини в последних существенно выше. Данное обстоятельство свидетельствует, во-первых, о признании скандинавами вполне приемлемыми глубоких пороков перераспределительной системы, связанных с уравнительными тенденциями. Во-вторых, это говорит о гораздо большей терпимости англосаксов к неравенству и во многом объясняет факт «живучести» здесь неоклассической модели государственного регулирования экономики с ее крайне низкой долей ВВП, перераспределяемого через бюджет. А вот во Франции и Германии подобная модель регулярно отвергается обществом, коль скоро до 70% населения считает активное

перераспределение доходов безусловно необходимым. И хотя дифференциация доходов французов невелика, накал протестных настроений на улицах Парижа и других крупных городов в последние годы крайне высок.

Подобный же спрос на перераспределение, который коррелирует с субъективным восприятием неравенства, типичен и для многих постсоциалистических стран. При этом наивысшую степень недовольства сложившимися пропорциями распределения доходов, как отмечалось выше, проявляют именно россияне, что в немалой степени объясняется наследием многолетней, рекордно длительной планово-регулируемой системы. И столь острое восприятие ими проблемы неравенства связано не столько с количественными характеристиками последнего, сколько с характеристиками качественными, а именно — с осознанием крайне слабой связи между астрономическими доходами олигархических кланов и невпечатляющими конечными результатами их предпринимательской деятельности, с субъективным неприятием самого механизма возникновения их богатств. В подобной ситуации избыточное неравенство в распределении доходов (по данным Счетной палаты, 0,2% российских семей контролировали 70% национального богатства [5. С. 12]) выступает значимым ограничителем дальнейшего расширения масштабов отечественной экономики. На этом основании В. Бобков полагает, что «относительно успешное преодоление трансформационного системного кризиса... обеспечивается при поддержании низкой степени дифференциации доходов» [3. С. 15]. В противном случае усиление политической напряженности в стране, неизбежное в условиях нынешнего многолетнего сокращения реальных доходов граждан, может явиться мощным фактором подрыва экономической безопасности. Власть, не пожелавшая разумно сближать доходы мирным путем, вполне может быть сметена с исторической арены с последующим конфискационным перераспределением объектов собственности.

С учетом нынешнего размаха абсолютной и относительной бедности россиян, а также их избыточной поляризации по уровню текущих доходов и накопленного богатства чрезвычайно значимым инструментом обеспечения безопасности нашей страны выступает разумная государственная социальная политика. Ее формирование нельзя отдалять до момента запуска постсанкционного экономического роста, например, в 2024–2025 гг., опрометчиво полагая, что в обстановке нынешнего военного кризиса в бюджетной системе отсутствуют, якобы, необходимые для этого финансовые ресурсы. В случае реализации на практике этого излюбленного либералами тезиса подрыв покупательной способности большинства населения сделает качественный, сырьевой экономический рост невозможным во всей обозримой перспективе. Но недопустим и обратный подход государственников: вот преодолеем, мол, остроту социальных проблем, и тогда темпы наращивания ВВП сразу же возрастут. На деле экономические и социальные проблемы отечественной экономики необходимо разрешать

в тесном взаимодействии. Только расширяя средний класс, который формирует массовый платежеспособный спрос, нейтрализует действие парадокса бережливости и выступает гарантом социального здоровья общества, можно все-речь рассчитывать на высокие темпы экономического роста. Если же значительная часть россиян опускается за черту бедности, то сколько-нибудь заметного роста российского ВВП достичь не удастся.

В настоящее время от российского общества исходит все более мощный социальный запрос на распределительную справедливость, удовлетворение которого способно стать мощным триггером наращивания объема национального производства. Во всяком случае, нейтрализация угроз социальной безопасности нашей страны предполагает заметное ослабление подоходной дифференциации ее населения, обеспечивая которое, особо подчеркивает Э.Н. Соболев, «следует ставить вопрос не столько о снижении уровня дифференциации до некоего социально-нормального, сколько об изменении качества дифференциации, а именно: придания ей профессионально-квалификационного характера» [22. С. 41]. Укрепление этого фактора восходящей динамики ВВП немыслимо без принятия комплекса следующих стратегических решений:

- изъятие части средств у российских домохозяйств с высоким доходом в рамках известного кейнсианского принципа «все не могут быть богатыми, но никто не должен быть бедным». В этих целях необходимо установление следующей шкалы налога на доходы физических лиц: умеренно-прогрессивной в случае пребывания подоходного расслоения россиян в нормальной зоне; усиленно-прогрессивной в случае признания его нахождения в запретной зоне, что вполне может явиться результатом внимательного изучения налоговых деклараций всех представителей элиты со стороны неких независимых органов. Параллельно с этим целесообразно установление довольно высокого необлагаемого минимума доходов, введение сдержанно-прогрессивной шкалы имущественного налога, а также возвращение налога на наследство при освобождении от их уплаты обладателей наименее ценного имущества;

- обеспечение надежного контроля за использованием природных богатств страны через решительный отказ от действующего налогового маневра и, как результат, через социализацию ренты, означающую подчинение механизма ее формирования и последующее использование в интересах всего российского общества, в частности, на адресные трансфертные платежи. При этом требуется переход от категориального принципа при формировании системы социальной защиты населения к принципу нуждаемости, гарантирующему достаточный уровень поддержки самых бедных россиян. Например, вполне возможна дифференциация детских пособий, да и, думается, материнского капитала тоже, в строгой зависимости от уровня достатка семей. Давно назрела постановка вопроса о разумном повышении размера пособия по безработице, укреплении государственной пенсионной системы и фиксации размера пенсий на уровне

не ниже 40% от утрачиваемого среднего заработка, а также повышенных выплатах детских пособий, стипендий, натуральных трансфертов, продуктовых карточек для малоимущих граждан, сокращающих их расходы на питание;

- трансформация откровенно социально-ущербной общегосударственной региональной политики, нацеливая ее на выравнивание уровня жизни населения различных субъектов Федерации, прежде всего, посредством направления на эти цели несравненно большей доли рентных доходов федерального центра, которые выступают достоянием всего российского общества;

- серьезная корректировка в сравнительной динамике оплаты труда и его производительности. Если подоходное расслоение признается однозначно избыточным, то в рамках правительственного контроля доли заработной платы в ВВП вполне оправданно более стремительное ее повышение сравнительно со скоростью повышения производительности труда. При этом незначительный риск ускорения инфляции спроса окажется наверняка менее значимым, чем выгоды ускорения экономического роста в результате перераспределения определенной части валовой выручки компаний с наращивания прибыли на повышение заработной платы работников. В то же время нельзя допускать сколько-нибудь длительного отставания производительности труда от динамики заработной платы: без ее быстрого роста никакие перераспределительные механизмы не в состоянии устранить проблему хронической бедности россиян;

- осуществление разумного ценового регулирования, прежде всего, через поддержание на завышенном уровне закупочных цен на сельхозпродукцию и субсидирование реализации товаров первой необходимости, реализуемых из-за этого по заниженным ценам. При этом во избежание товарного дефицита регулирование цен на продовольствие предпочтительнее осуществлять не административными методами, а посредством закупок его за рубежом, использования госзакупок и товарных резервов, более щедрой финансовой поддержки отечественных производителей сельскохозяйственной продукции;

- устранение хронической недооценки труда в бюджетной сфере, поднятие уровня оплаты в ней до заработков в секторе частном, параллельно с поэтапным возвращением сэкономленных государством пенсий работающим пенсионерам, которое не приведет к сколько-нибудь существенному всплеску их потребительской активности, заведомо не будет сопровождаться переводом средств в офшоры и вызовет, тем самым, усиление мультипликативного эффекта;

- расширение потребительской корзины россиян до уровня обеспечения не только базовых, примитивных, а комплексных, современных потребностей работников, с одновременным доведением МРОТ до 130% этого обновленного прожиточного минимума, с решительным устранением гендерных различий в оплате труда, жесткой увязкой доходов топ-менеджеров со средней заработной платой работников и распространением требований ее своевременной индексации на всех предприятиях, независимо от форм собственности;

- замена регрессивной шкалы страховых взносов предпринимателей на шкалу пропорциональную, обеспечивающую сближение заработков работников и существенное пополнение внебюджетных социальных фондов, правда, при усилении рисков выплаты заработной платы «в конвертах» и дестимулирования дальнейшего повышения уровня оплаты труда;

- расширение масштабов государственных инвестиций в социальную сферу с четким акцентом на «процесс распространения знаний и инвестиции в повышение квалификации и образование» [17. С. 22]. Целесообразно бесплатное обеспечение всех россиян приемлемым уровнем услуг здравоохранения, образования и культуры путем поддержания высокой доли расходов государственного бюджета на эти цели, налоговое поощрение фирм, активно занимающихся благотворительной деятельностью, повышающих уровень квалификации и здоровья своих работников.

Думается, что реализация комплекса этих взаимосвязанных мер, приводя подходящую и имущественную дифференциацию россиян из категории избыточной в категорию нормальной, способна стать мощным фактором стремительного выхода отечественной экономики из состояния затянувшейся автономной рецессии с одновременным созданием предпосылок поддержания социальной стабильности в нашем обществе.

Литература

1. Балацкий Е.В. Институт социального неравенства и экономический рост // Journal of Institutional Studies. 2020. № 1. С. 66–83.
2. Балацкий Е. Отношение к неравенству доходов: количественная оценка // Экономист. 2007. № 6. С. 39–49.
3. Бобков В. Анализ социально-экономической дифференциации // Экономист. 2003. № 7. С. 10–20.
4. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Система производственных отношений и социально-экономическое неравенство: диалектика взаимосвязи // Вопросы политической экономики. 2018. № 1. С. 10–34.
5. Главное – эффективность бюджетных расходов // Финансы. 2011. № 5. С. 3–15.
6. Гончаренко В.М., Шаповал А.Б. Влияние структуры спроса и размера рынка на безработицу, неравенство доходов и общественное благосостояние // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 1. С. 12–33.
7. Григорьев Л.М., Макарова Е.А. Норма накопления и экономический рост: сдвиги после Великой рецессии // Вопросы экономики. 2019. № 12. С. 24–46.
8. Ильин В.А., Морев М.В. Олигархический капитал и социальная несправедливость // Вестник ИЭ РАН. 2018. № 4. С. 45–59.
9. Итоги 25-летней трансформации российской экономики и формирование новой экономической модели (интервью Р.С. Гринберга) // Вестник ИЭ РАН. 2017. № 6. С. 7–12.
10. Капелюшников Р.И. Команда Т. Пикетти о неравенстве в России: коллекция статистических артефактов // М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2019. – 64 с.
11. Капелюшников Р. Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 117–139.
12. Капелюшников Р.И. Экономическое неравенство – вселенское зло? // Вопросы экономики. 2019. № 4. С. 91–106.

13. *Картаев Ф.С., Самсонова М.С.* Влияет ли неравенство доходов на инфляцию в России? // Вопросы экономики. 2022. № 10. С. 5–19.
14. *Клинов В.Г., Сидоров А.А.* Мировые тенденции в распределении доходов и проблемы социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2018. № 7. С. 30–44.
15. *Клинов В.* Актуальные проблемы экономической политики США // Вопросы экономики. 2013. № 5. С. 129–143.
16. *Лившиц В.Н.* Бедность и неравенство доходов населения в России и за рубежом: Научный доклад. // М.: Институт экономики РАН. 2017. – 52 с.
17. Неравенство в современном мире: экономический и социальный аспекты // М, ИНИОН РАН. 2017. – 142 с.
18. *Половинкина Н.* Неравномерность распределения и экономическое развитие // Экономист. 2010. № 5. С.47–63.
19. *Рязанов В.* Новая экономическая политика (нэп) № 2: исторические уроки и перспективы госкапитализма в России // Экономист. 2018. № 3. С. 3–23.
20. *Савченко П.В., Федорова М.Н.* Важное звено социально-трудовых отношений: конвергенция // Вестник ИЭ РАН. 2018. № 6. С. 60–72.
21. *Савченко П., Федорова М., Шелкова Е.* Уровень и качество жизни: понятие, индикаторы, современное состояние в России // Российский экономический журнал. 2000. № 7. С. 66–73.
22. *Соболев Э.Н.* Оплата труда в системе социально-трудовых отношений: стереотипы и российские реалии: Научный доклад. // М.: Институт экономики РАН. 2017. – 48 с.
23. *Ханин Г.И.* Перераспределение доходов как фактор ускорения экономического развития и обеспечения социальной стабильности // ЭКО. 2002. № 6. С. 90–103.
24. *Шевяков А.* «Болевые точки» России: избыточное неравенство и депопуляция // Общество и экономика. 2005. № 12. С. 86–102.
25. *Шевяков А.* Снижение избыточного неравенства и бедности как фактор экономической динамики и роста инновационного потенциала России // Общество и экономика. 2006. № 11–12. С. 5–36.
26. *Юревич М.А.* Социальное неравенство, инвестиции и экономический рост // Вопросы регулирования экономики. 2019. №4. С. 35–46.
27. *Юрченко К.П., Савельева И.Н.* Траектории макроэкономической политики в условиях ловушки среднего дохода // Journal of New Economy. 2019. Т. 20. № 5. С. 23–41.

Sergey Kapkanshchikov (e-mail: kapkansv@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor,
Head of the Department of Economics,
Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

EXCESSIVE INCOME INEQUALITY IN RUSSIA AS A THREAT TO ECONOMIC GROWTH AND SOCIETAL SECURITY

The author makes the case that the growth of the Russian economy in the 2000s was socially detrimental as it was accompanied by an increased inequality of Russians both in terms of current incomes and accumulated wealth.

A qualitative analysis of the socio-economic inequality that has developed in modern Russia is carried out in unity with its quantitative characteristics; the factors contributing to inequality in various countries are explained, both objective and influenced by policy. Inequality in income distribution, on one hand, is seen as a possible accelerator of economic growth, and on the other hand, the way it slows the GDP growth down is also revealed.

Describing the normal income stratification as accelerating and the excessive stratification as, on the contrary, slowing down the economic growth, the author, by analogy with the Laffer curve, proposes an original income stratification curve, on the basis of which a set of interconnected proposals is substantiated to return the excessive differentiation of Russians to the limits of normality in order to guarantee sustainable economic development and reliable societal security in Russia.

Keywords: socially detrimental economic growth, normal and excessive income stratification, income differentiation coefficient, Gini index, long-wave economic cycle; income stratification curve; normal and forbidden areas of the income stratification curve.

DOI: 10.31857/S020736760023988-5